

*К. С. Корконосенко**

ГЕРОИ ДОСТОЕВСКОГО, РУССКИЕ ИМЕНА И РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИО БАРОХИ**

Среди всех больших испанских писателей Пио Бароха (1872–1956) выделяется тем, что написал три романа, в которых русские персонажи представлены плотно, во множестве и интересны Барохе именно как русские. Это «Город тумана» (1909), «Таков уж мир» (1912) и «Извращенная чувственность» (1920). Интересно и характерно также очень раннее обращение Барохи к «русской теме»: в 1890 г. он опубликовал тринадцать газетных статей под общим названием «Русская литература». Одна из них, помещаемая ниже в русском переводе, посвящена Достоевскому.

Ключевые слова: русско-испанские взаимосвязи, Пио Бароха, Достоевский, передача русских имен и реалий.

K. S. Korkonosenko

HEROES OF DOSTOEVSKY, RUSSIAN NAMES AND REALITIES IN THE WORKS OF PÍO BAROJA

Among all the famous Spanish writers Pío Baroja (1872–1956) stands out as an author of three novels in which Russian characters not only appear, but are presented densely, in a variety; Baroja is interested in them particularly as in Russians. These are “A City of Fog” (1909), “The World Is *Ainsi*” (1912) and “The Perverted Sensuality” (1920). Another interesting and characteristic feature is the very early approach of Baroja to the “Russian theme”: in 1890 he published thirteen newspaper articles under the title “Russian literature”. One of them, posted below in Russian translation, is dedicated to Dostoevsky.

Keywords: Russian-Spanish relations, Pío Baroja, Dostoevsky, transferring of Russian names and realities.

Среди представителей испанского «Поколения 98 года» романист и эссеист Пио Бароха (1872–1956) выделяется очень ранним, юношеским об-

* Корконосенко Кирилл Сергеевич, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; korkonos@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна» № 18–012–90033.

ращением к «русской теме»: в 1890 г., когда будущему писателю, в то время студенту-медику, было семнадцать лет, он опубликовал в газете города Сан-Себастьян «Ла Уньон Либераль» серию из тринадцати заметок под общим названием «Русская литература» (здесь и далее ссылки на эту серию даются по переизданию: [9, р. 173–219]). Одна из них, хронологически девятая, посвящена Достоевскому (перевод ее впервые публикуется в приложении к настоящей статье).

Эта серия заметок напоминает развернутую словарную статью или краткий учебник: первая статья называется «Народные сказки», вторая — «От истоков до конца XVIII века» и т. д., до самых недавних, почти современных Барохе явлений: три последние статьи посвящены Герцену, Бакунину и Чернышевскому, каждая из них носит уточняющий подзаголовок: «Нигилизм».

Тринадцать текстов молодого испанца отчетливо делятся на две группы: начальные периоды российской словесности Бароха описывает из вторых рук; его собственное знакомство с русской литературой начинается с Гоголя. Ранние источники, вплоть до Пушкина, Бароха в то время не читал; первые статьи цикла компилятивны, пестрят именами, не знакомыми ни автору, ни его читателям. Отсюда и произвольность, комичная немотивированность и категоричность характеристик (в статье «Романтизм», например, утверждается, что три величайших российских поэта — это Федор Глинка, Розен и Лермонтов; Пушкин объявляется создателем русского романтизма), и обилие опечаток, тоже комичных для современного читателя, а в то время совершенно нерелевантных. Многие фамилии, перечисляемые Барохой в длинных перечнях, впервые появлялись на страницах испанской печати; некоторые — в первый и последний раз; в нескольких случаях мне из-за странной транскрипции так и не удалось расшифровать, о каком литераторе идет речь. Пио Бароха писал свои статьи, пользуясь различными источниками, некоторые из них он указывает сам, в разных статьях цикла: это книги Э. — М. Вогюэ, М. Уоллеса, Р. Г. Э. Тайяндье, Кс. Мармье, С. Куррьера и некоего неустановленного автора по фамилии Маринé. Определенно, Бароха читал и книгу своей соотечественницы Э. Пардо Басан «Революция и роман в России» (1887), о которой, впрочем, представители Поколения 98 года были невысокого мнения (ср. оценку представлений о русской литературе, данную восемью годами позже Мигелем де Унамуно: «Сейчас у нас нет ничего, кроме поверхностных наблюдений доньи Эмилии, полученных через посредство французского» [13, р. 100]).

Тринадцать статей в газете «Ла Уньон Либераль» — один из самых первых опубликованных литературных опытов Пио Барохи. В Испании они как минимум дважды переиздавались [9, р. 173–219; 10, р. 41–89], однако в России этот ценный материал до последнего времени оставался не востребовавшимся. Восьмая статья из этого цикла, посвященная Достоевскому, впервые публикуется в переводе на русский язык.

Раннее знакомство с историей русской литературы отразилось и на зрелом творчестве Пио Барохи. Среди всех больших испанских писателей Бароха выделяется тем, что написал три романа, в которых русские персонажи не просто есть, но представлены плотно, во множестве и интересны Барохе именно как русские.

Это «Город тумана» («*La ciudad de la niebla*», 1909), «Таков уж мир» («*El mundo es así*», 1912) и «Извращенная чувственность» («*La sensualidad perversa*», 1920). Для Барохи-романиста интерес в первую очередь представляют русские молодые женщины.

В «*El mundo es así*» главную героиню зовут *Sacha Savarof* (очевидно, Бароха слышал о русском полководце А. В. Суворове), часть действия происходит в России. В «Городе туманов» у героини-испанки лучшая подруга — *Natalia Leskov* (фамилия не случайна, имеет явно литературное происхождение; в романе «Таков уж мир» ту же литературную фамилию носит революционер-эмигрант: *Nicolás Leskoff*), у нее обширный круг знакомых — эмигрантов из России, в одного из них, террориста со странным для поляка именем *Vladimir Ovolenski*, влюбляется главная героиня, *María Aracil*.

В «*Sensualidad perversa*» одна глава так и называется — «*La rusa*» («Русская»); вся «Осенняя» часть романа посвящена увлечению протагониста замужней русской, которую зовут *Ana de Lomonosoff* (иначе: *Madama Lomonosoff*). За исключением звучного имени этот эпизод, случившийся в 1913 г., имеет автобиографическую основу: он пересказан Барохой от первого лица в мемуарной книге «С последнего поворота дороги» [6, р. 356].

Публицистические суждения зрелого Барохи о русской литературе проанализированы в книге И. А. Тертерян; там же дается сопоставление его романов с романами Достоевского [4, с. 229–234, 247–249]. Я сосредоточил внимание на образе России и русских, в первую очередь на примере передачи имен и реалий. Также интересно проследить параллелизмы между текстами трех самых «русских» романов Барохи.

Героиня романа «*El mundo es así*» Саша живет в усадьбе, «читая книги Тургенева и играя на фортепиано Бетховена» («*leyendo los libros de Turgueneff y tocando en el piano a Beethoven*»). В романе «*La ciudad de la niebla*» происходит такой диалог:

¡Oh, escéptica! ¡Española escéptica! — exclamó Natalia. — *Turgueneff* también afirma siempre la debilidad del hombre y la fuerza de la mujer. ¿Usted no habrá leído a *Turgueneff*? — me preguntó luego.

— ¡Oh, sí!

— ¿De veras? Y qué, ¿le ha gustado?

— Me ha parecido ideal, pero tan triste, tan melancólico, que me ha hecho llorar. (Какая вы скептическая! Скептическая испанка! — воскликнула Наталья. — Тургенев тоже всегда утверждает, что мужчины слабы, а женщины сильны. Да вы, наверно, не читали Тургенева? — спросила она меня.)

— А вот и читала!

— Правда? И что, вам понравилось?

— Да, это было прекрасно, но так грустно, так печально, что я расплакалась).

На страницах «*La sensualidad perversa*» высказано мнение одного из героев романа (испанца) о Достоевском: «¡Los medios que pinta son tan horribles! A mí, al menos, no me agrada pensar en volver a leer *Los recuerdos de la casa de los muertos*» («Среда, которую он описывает, так ужасна! Мне, по крайней мере, не хочется и думать о том, чтобы перечитать “Записки из Мертвого дома”»),

и в другом месте тот же персонаж размышляет: «¿Le gustaba a Ana, de verdad, *Dostoiowski*? Yo creo que no. Hablaba de *Dostoiowski* como de algo sólo comprensible para los rusos» («Точно ли Анне нравился Достоевский? Я так не думаю. Она говорила о Достоевском как о чем-то понятном только для русских»).

Во всех трех романах герои выносят свои суждения (сходные с мнениями самого Барохи) о произведениях Л. Толстого. Ср.:

Я прочла «Крейцерову сонату» сразу после замужества, она произвела на меня удручающее впечатление («*La ciudad de la niebla*», 1909).

Она прочла апостольские книги Толстого и была одержима его идеями. Нужно было, как и хотел старый учитель, достичь нравственного совершенства, чистоты сердца; нужно было проповедовать в полях неподчинение власти, пассивное сопротивление произволу правительства, возвращение к простой жизни, ненависть к индустриализму, к машине, к внешней роскоши и к поверхностным измышлениям прогнившего Запада («*El mundo es así*», 1912).

Я читала знаменитую повесть Толстого «Крейцера соната» и нахожу, что она очень хороша как повесть и нелепа как доктрина («*La sensualidad pervertida*», 1920; ср. с мнением Мигеля де Унамуно о «Крейцеровой сонате», высказанным в 1890-е гг.: Толстой, «окативший холодной водой прогнившее буржуазное общество» [16, p. 173]).

Использует Бароха и распространенные образы и мотивы («стереотипы») в изображении русских мужчин. В романе «*El mundo es así*» революционер *Afsaguin*, который изображен голубоглазым гигантом с калмыцким носом, с шафранной шевелюрой и золотистой бородой и который «был как воплощение степей посреди западной цивилизации» («*era como la representación de la estepas en medio de la civilización occidental*»), поет «песни, которые слышал от моряков на Волге» («*canciones que había oído a los marineros del Volga*). В другом тексте («*La ciudad de la niebla*») говорится: «Владимир вспомнил русских мужиков, которые, по его словам, спят пьяные на снегу при температуре двадцать градусов ниже нуля» («*Vladimir recordó a los mujicks de Rusia, que, según dijo, dormían borrachos sobre la nieve con una temperatura de veinte grados bajo cero*»).

В трех романах упоминается Сибирь, ассоциирующаяся с холодом и снегом; это ужасное место, символ жестокости Правительства. И если в романе «*El mundo es así*» речь идет об ужасных тюрьмах, таких как «*Petro Paulovski*» и «*Siberia*», то в «*La ciudad de la niebla*» героине снится, что «она вышла замуж за Владимира, что его уводят в Сибирь, а она следует за ним босиком» («*Soñó que se casaba con Vladimir y que le llevaban a él a la Siberia y que ella le seguía con los pies desnudos*»).

Русские имена и реалии в романах Барохи оставляют забавное впечатление двоякости, это такая нелепая смесь информированности и наивного неведения. Такое сочетание, как мне представляется, как раз и характеризует образ России и русских, который сложился в сознании Пио Барохи и нашел отражение в его творчестве.

Так, Бароха неоднократно заявлял, что читал всего Достоевского — вероятно, он имел в виду все переведенное к тому времени на европейские языки, но в романе «*El mundo es así*» с энтузиазмом выписывает несколько русских слов, которые понял его герой: *Gospodin* — это вместо Господь или Господи,

koska, dobri nochi («Al gato se le llama y *dobri nochi* quiere decir buenas noches» — «Кота называют *koska*, а *dobri nochi* означает доброй ночи») и, совсем комично, русское блюдо: «una sopa de legumbres que se llama *tckij kascha*» («овощной суп, называемый *tckij kascha*», т. е. «щи-каша»).

Определенно, у Пио Барохи было два основных источника сведений о России — русская литература и русские революционные эмигранты, с которыми он знакомился во время путешествий во Францию и в Англию. Поэтому в «*El mundo es así*» появляется друг семьи *Garchin* (в романе «Город туманов» Бароха наделяет той же фамилией русскую героиню-феминистку: *Julia Garchin*), либерал из партии кадетов, а в «Городе тумана» — нетипичный для XX в. нигилист, князь *Nekraxin*. При этом Бароха знает, кто такой поэт Некрасов, его персонажи обсуждают поэму «Русские женщины», но на страницах одного романа автор пишет эту фамилию по-разному: то *Nekrásov*, то *Nekrassov*. Тургенева он тоже по-разному транскрибирует в 1909 и 1912 гг. Понятно, что и в написании фамилии «Достоевский» единства ждать не приходится — даже если не брать в расчет французское посредничество, испанские переводчики рубежа веков передавали ее как минимум шестью разными способами [15, р. 49–76], и это многообразие отражено в романах Барохи, и в его статьях.

В романе «Таков уж мир» одну из героинь зовут *Xenia Sanin*. Там же говорится о литературных вкусах русских студентов в 1911 г.: «Студенты уже не читают ни Достоевского, ни Толстого, ни писателей-социалистов; в университетах обсуждаются только эротические романы». Вероятно, Бароха был знаком с недавним французским переводом романа М. П. Арцыбашева [5].

С русскими фамилиями Бароха испытывал затруднения не только в романах, но и в жизни. Анекдотический случай произошел с писателем в 30-е гг., в Париже. Бароху пригласили на прием в честь знаменитого русского литератора — ему показалось, что Чехова. Бароха не придавал значения тому, что Антон Павлович умер еще в 1904 г., явился на прием и был крайне разочарован, что встречают не любимого им писателя Чехова, а Льва Шестова [14, р. 15]. В итоге он ушел, так и не пообщавшись с русским экзистенциалистом, которого его друг и идейный соратник Мигель де Унамуно называл своим другом [17, р. 219].

Отчества для Барохи тоже представляют серьезную проблему. Среди персонажей его романов появляются *Juan Ivanovich*, *Vera Petrovna* и *Ana Petrovna* — причем слова *Ivanovich* и *Petrovna* употребляется в качестве фамилий. Эмблематично для современного образа России в Испании, что фамилия героини «*El mundo es así*» неправильно указана даже в статье баскского исследователя А. Наварра Ордоньо, специально посвященной теме «Бароха и Россия»: «Разве можно не разглядеть в страдающей героине, *Sacha Savarofna*, воплощение ангельской и капризной женщины из романов Достоевского?» [14, р. 17]. При этом отец Саши в статье назван так же, как и в романе «*El mundo es así*» — *El general Savarof*. Очевидно, Наварра Ордоньо, не являясь филологом-русистом, где-то слышал, что у русских бывает отчество, но до конца в этом вопросе не разобрался.

Почему Бароха дает русским персонажам фамилии писателей и исторических деятелей? Думается, не потому, что сам не знает других: у человека, читавшего романы Достоевского и Толстого, в русских именах недостатка

быть не могло. Скорее, можно предположить, что Бароха выбирает слова, которые что-то значили для круга его читателей: если русская, то пусть будет Ломоносов или Санин, если русский — то Гаршин.

Как видно из приведенных выше примеров, чтение русских писателей и общение с русскими в Европе не сделало Пио Бароху знатоком России, не освободило от стереотипного восприятия, присущего всем литераторам «Поколения 98 года» (см. об этом: [1, с. 5–42]). Представляется, что важнейшую роль здесь сыграли две объективные причины: Бароха не знал русского языка и не жил в России. Впрочем, последнее утверждение применимо для всех крупных испанских писателей вплоть до наших дней (из испанских писателей первого ряда в России жили только Хуан Валера (см.: [2]) и Анхель Ганивет (см.: [3]), но русского языка они тоже не знали).

Что касается публикуемой ниже заметки «Достоевский», помещенной молодым Барохой в раздел «Натурализм», она представляет собой набор биографических и библиографических сведений, в целом достоверных и информативных, хотя и содержащих неточности. Бароха называет роман 1861 г. «Униженные и побежденные» (что было отмечено современным испанским редактором), не совсем точно приводит цитаты (вероятно, это издержки старых переводов), утверждает, что Раскольников любит Сою; название «Crecida» можно передать как «Подрастание», но определенно не «Подросток», и т. п.

Оценочных суждений в заметке немного; для молодого Барохи Достоевский олицетворяет преувеличенную жалость, характер его противоречив, он «беспокойный гений» и «жрец страдания». Эти мнения отчасти предвосхищают более масштабное и знаменитое исследование характера русского писателя, предпринятое Барохой уже в зрелом возрасте — «Психологическое раздвоение Достоевского» (1938) [7, р. 211–227], которое заслуживает отдельного изучения и, безусловно, перевода на русский язык.

Пио Бароха **ДОСТОЕВСКИЙ***

Боль есть удобрение, питающее древо прогресса; если же боль превращается в страдание, древо остается бесплодным и не приносит ничего кроме глубокой тоски, порождая к жизни странные человеческие типы — порой идеалистов, порой скептиков, порой смешение самых противоречивых чувств. Один из таких типов — Достоевский.

Федор Михайлович Достоевский родился в Москве в 1821 г. Учебу он начал в школе военных инженеров и в двадцать два года получил чин поручика. В армии Достоевский прослужил недолго: уже через год молодой человек вышел в отставку, чтобы полностью посвятить себя литературе. Отставка обернулась для Достоевского временем многочисленных невзгод и нищеты: они с братом зарабатывали на жизнь переводами и перепиской бумаг.

Первое его художественное произведение, «Бедные люди», было опубликовано в 1846 г. в литературном журнале. Некрасов, прочитав этот роман, воскликнул: «Новый Гоголь родился!»

* Перевод выполнен по изд.: [9, с. 200–204].

Сюжет романа очень прост: Девушкин — бедный чиновник, уже начавший печальный спуск по жизненному пути, и путь этот проходит в бедности и лишениях; Девушкин не блещет умом и отличается поразительным простодушием, в его жалкой жизни есть лишь один лучик света — это девушка, живущая в каморке напротив его окна, так же как и Девушкин, гонимая судьбой, а еще преследуемая мужчинами, которые желают воспользоваться ее бедственным положением. Чиновник, несмотря на собственную нужду, день и ночь переписывает бумаги, чтобы поддержать бедную девушку, которую он обожает простой, чистой, непорочной любовью — такой же, какова и его душа.

У героев не хватает времени для встреч, поэтому они заводят переписку; в своих письмах Девушкин повествует о своих горестях, о вечных поисках приработка, а она рассказывает о своей жизни и наставляет своего друга, поскольку отличается более светлым умом.

Однако спустя некоторое время мужчина, домогавшийся любви девушки, предлагает ей руку и она принимает предложение; девушка продолжает писать своему другу, рассказывает о чудесных переменах в своей жизни и даже не догадывается, что бедный чиновник ее любит.

Характеры выписаны умелой рукой. Истории их трагичны и красивы. В одном из писем девушка описывает отчаяние своего бедного соседа, у которого умер сын: «Ни матушка, ни Анна Федоровна не были в церкви на отпевании. Матушка была больна, а Анна Федоровна <совсем было уж собралась> (Угловыми скобками я пометил места, выпущенные в переводе. — К. К.), да поссорилась со стариком <Покровским> и осталась. Была только одна я да старик. Во время службы на меня напал какой-то страх — словно предчувствие будущего. Я едва могла выстоять в церкви. Наконец гроб закрыли, <заколотили,> поставили на телегу <и повезли. Я проводила его только до конца улицы>. Извозчик поехал рысью. Старик бежал за ним и громко плакал; плач его дрожал и прерывался от бега. Бедный потерял свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла от дождя; поднимался ветер; изморозь секла и колола лицо. Старик, кажется, не чувствовал непогоды и с плачем перебежал с одной стороны телеги на другую. Полы его ветхого сюртука развевались по ветру, как крылья. Из всех карманов торчали книги; в руках его была какая-то огромная книга, за которую он крепко держался. Прохожие снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бедного старика. Книги поминутно падали у него из карманов в грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; он поднимал и опять пускался вдогонку за гробом. На углу улицы увязалась с ним вместе провожать гроб какая-то нищая старуха. Телега поворотила наконец за угол и скрылась от глаз моих».

После «Бедных людей» вышла в свет «Чужая жена» — грубая сатира, читающей публикой воспринятая с безразличием.

В 1849 г. Достоевский был осужден за участие в заговоре Петрашевского и едва не был казнен, но когда его уже готовились расстрелять, пришло помилование от царя и расстрел заменили десятилетней ссылкой в Сибирь.

Освободившись после каторги, Достоевский написал «Записки из Мертвого дома», составленные из трагических историй, если не превосходящие, то по крайней мере не уступающие мемуарам Сильвио Пеллико.

В 1861 г. он опубликовал «Униженных и побежденных» («Униженных и оскорбленных». — Прим. испанского редактора.), в этом романе писатель исследует тот же порок, который является магистральной темой «Отверженных» Виктора Гюго.

В 1866 г. написано «Преступление и наказание», одно из лучших произведений Достоевского, отражающее беспокойную гениальность его создателя.

Сюжет этого романа всем известен: студент Раскольников, живущий в бедности, собирается отдать драгоценность под залог старухе-процентщице; студента влекут деньги, которые хранятся в квартире старухи; он замышляет убить ее и ограбить. Раскольников обдумывает этот поступок со всех точек зрения и наконец решается. После совершенного убийцу охватывает панический страх, он боится полиции и ищет дружбы со следователями; движимый странным наслаждением, он доводит разговор о преступлении до черты, на которой его способно погубить одно лишнее слово, однако убийца не переступает черту и продолжает свою опасную игру. Раскольников любит бедную девушку, Соню, которая стыдится своего грязного уличного ремесла. Соня догадывается о смятении в душе студента, добивается от него признания в убийстве и убеждает: «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо». Раскольников в нерешительности кружит около полицейского участка, но в конце концов признается в совершенном преступлении; его приговаривают к каторжным работам. Этот роман принес Достоевскому известность в России; в сравнении даже с произведениями других беспокойных гениев, таких как По и Бодлер, «Преступление и наказание» оказывается страшнее — из-за безупречного анализа чувств и страстей его персонажей.

Вслед за «Преступлением и наказанием» вышел в свет «Идиот». Главный герой этого романа — человек, почти всю жизнь проведенный в сумасшедшем доме; когда после лечения он выходит в мир, своею прямою и искренностью он побеждает свору деяг и мошенников, которые стремятся воспользоваться его идиотизмом.

Затем Достоевский написал роман «Подросток», которого быстро затмили «Бесы» — роман об обществе нигилистов, в котором возникает целая галерея характеров: пессимистов, самоубийц из безразличия, слабых людей и злодеев...

Потом Достоевский затеял издание журнала, «Дневник писателя», в котором рассказывал о своей жизни и о своих книгах.

Далее были написаны «Братья Карамазовы», «Игрок», «Кроткая» и другие произведения.

Достоевский умер 10 февраля 1881 г., два дня спустя его похороны вылились в народную манифестацию.

Порою Достоевский бывает тяжел, гений его беспокоен, а сам он — жрец страдания. Подобно тому, как Тургенев олицетворяет дружелюбие, Достоевский олицетворяет жалость — преувеличенную жалость к слабым и униженным, он как будто повторяет обращенные к Соне слова Раскольникова: «Я всему страданию человеческому поклонился».

«La Unión Liberal», 17 марта 1890 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). — СПб.: Наука, 2001. — С. 5–42.
2. Валера Х. Письма из России / пер. С. Николаевой; предисл. В. Багно, коммент. К. Корконосенко. — СПб.: Канун, 2001.
3. Корконосенко К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. — СПб.: Союз Писателей Санкт-Петербурга, 2001. — С. 206–223.
4. Тертерян И. А. Испытание историей. — М.: Наука, 1973.
5. Artzybascheff M. Sanin: roman. — Nice: Librairie russe, 1909.
6. Baroja P. Desde la última vuelta del camino. — Madrid: Caro Raggio, 1947.
7. Baroja P. El desdoblamiento psicológico de Dostoyevski // Baroja P. Pequeños ensayos. — Buenos Aires: Ed. Sudamericana, 1943. — P. 211–227.
8. Baroja P. El mundo es así. — Madrid: Caro Raggio, 1940.
9. Baroja P. Escritos de juventud (1890–1904). — Madrid: EDICUSA, 1972.
10. Baroja P. Hojas sueltas. — Madrid: Caro Raggio, 1973.
11. Baroja P. La ciudad de la niebla // Baroja P. Obras completas. — Madrid: Biblioteca Nueva, 1947. — Т. 2.
12. Baroja P. La sensualidad pervertida // Baroja P. Obras completas. — Madrid: Biblioteca Nueva, 1947. — Т. 2.
13. Gallego Morell A. Estudios y textos ganivetianos. — Madrid: CSIC, 1971.
14. Navarra Ordoño A. Pío Baroja y Rusia // Sancho el Sabio (Vitoria-Gasteiz). — 2011. — № 34. — P. 11–22.
15. Schanzer G. O. Russian Literature in the Hispanic World: A bibliography. — Toronto: University of Toronto Press, 1972.
16. Unamuno M. de. Cartas inéditas. — Santiago de Chile: Zig-Zag, 1965.
17. Unamuno M. de. Epistolario inédito. — Madrid: Austral, 1991.